

Алексей Викторович Михалев¹

mihalew80@mail.ru

РУССКАЯ ФАКТОРИЯ В ЦЗАИН-ШАБИ: ОПОРНЫЙ ПУНКТ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТАКЛИЗМОВ В АЗИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

В статье рассматривается история возникновения и ликвидации русской фактории при монгольском монастыре Цзаин-Шаби. Эта работа является продолжением долговременного авторского изучения русских поселений в Монголии. Хронологические границы исследования охватывают первую четверть XX в. Основными источниками стали материалы Государственного архива Иркутской области, а также мемуары и материалы географических экспедиций. Данная статья представляет собой первую попытку описания истории русской фактории в Монголии. По итогам проведённого исследования автор приходит к выводу о том, что фактория Цзаин-Шаби являлась политически и экономически значимым опорным пунктом Российской империи благодаря статусу Цзаин-гэгэна. На его духовное и политическое влияние в разное время планировали опираться чиновники Российской империи, сторонники адмирала А.В. Колчака, а впоследствии и барона Р.Ф. Унгерна. Благодаря поддержке второго по влиянию монастыря в Монголии русским удалось создать плацдарм, обеспечивавший ресурсами армию, позже ставший базой для беженцев и отступавших войск. По мере децентрализации государственной власти в Китае на его окраинах образовывалась огромная экономическая «серая зона», о чём свидетельствуют материалы Государственного архива Иркутской области. Эти изменения трансформировали пограничный режим, созданный в имперскую эпоху. В 1919 г. начались процессы аномии и криминализации экономики, которые к 1921 г. достигли своего апогея.

Ключевые слова: фактория, колонизация, эмигранты, Монголия, торговля, Гражданская война, принимающее сообщество.

Alexey V. Mikhalev¹

mihalew80@mail.ru

RUSSIAN TRADING POST IN ZAIN SHABI: A STRONGHOLD OF EMPIRE IN THE CONDITIONS OF POLITICAL CATAclysms IN ASIA IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY

The article examines the history of formation and abolishment of the Russian trading post at the Mongolian monastery — Zain Shabi. This article is a con-

¹ Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия. Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

tinuation of a long-term author's research on Russian settlements in Mongolia. The chronological boundaries of the study are limited to the first quarter of the XX century. The main sources were materials from the State Archives of the Irkutsk Region, as well as memoirs and materials from geographical expeditions. This article is the first attempt to describe the history of the Russian trading post in Mongolia. According to the results of the study, the author concludes that the Zain Shabi trading post was a politically and economically significant stronghold of the empire due to the status of the Zain Gegen. Officials of the Russian Empire, supporters of Admiral Kolchak, and later Baron Ungern, planned to rely on his spiritual and political influence in the dimensional time. Owing to the reliance on the second most influential monastery in Mongolia, the Russians managed to create a bridgehead that provided resources for the army, which later became a base for refugees and a retreating army. As Chinese state power was decentralised and its outskirts were hit by anomie, a huge economic "grey zone" appeared, as seen from the materials of State Archives of the Irkutsk Region. These changes transformed the border regime that had been created during the imperial era. In 1919, the processes of anomie and criminalisation of economy began. By 1921, these processes reached their peak.

Keywords: trading post, colonization, emigrants, Mongolia, trade, Russian Civil War, host community.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В период упадка империи Цин на её окраинах крупнейшие европейские державы создавали селения, фактории, концессии. Все эти поселения обладали особым экстерриториальным статусом и являлись политическими форпостами в Азии. Монголия оказалась в сфере геополитических интересов России ещё до обретения автономии в 1911 г. Русское продвижение там сопровождалось не только созданием поселений колонистов, но и открытием филиалов крупнейших банков и торговых фирм, а также развёртыванием масштабных проектов по добыче золота под эгидой компании «Монголор». Параллельно с этим шёл процесс становления суверенитета Монголии. После Синьхайской революции 1911 г. и появления на карте теократической Халха-Монголии положение русских поселенцев ещё более укрепилось, возросли торговые обороты факторий в Улясутае, Кобдо, Ван-курене и Цзаин-Шаби [подробнее см.: 13].

В центре внимания данной статьи — история русской фактории в Цзаин-Шаби (ранее допускались разные написания: Дзаин-Шаби, Заин-Шаби) в начале XX в. Мы рассматриваем историю фактории с момента её возникновения и вплоть до окончания революции 1921 г. Здесь же нужно сказать о том, что нами понимается под термином «фактория». Итак, фактория — это бесплатная торговая зона или перевалочный пункт, то есть место, куда товары могут быть импортированы, где они могут быть сохранены или проданы, и откуда экспортированы. Несмотря на то, что фактории как историческое явление были достаточно распространены, они всё ещё остаются недостаточно хорошо изученными.

В нашем случае историю фактории можно достаточно неплохо исследовать в связи с тем, что всё описываемое приходится на XX в. Имеющиеся материалы позволяют реконструировать основную канву событий того времени. Однако кроме сугубо хронометрической части для нас интересно восстановить модель экономического присутствия Российской империи за рубежом. Важно выявить институциональные основы этого явления, которое, несомненно, стоит рассматривать как минимум в двух контекстах. Первый — это контекст истории монгольского теократического государства и его отношений с Россией. Второй — это история европейских селтльментов на окраинах бывшей империи Цин в условиях соперничества мировых держав за гегемонию в Восточной Азии.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

В данной статье мы рассматриваем одну из «поздних факторий», то есть созданную в период, когда подобный тип поселения стал вытесняться селтльментами. Её отличительной особенностью было то, что она выполняла политическую функцию и не вела неравноправной торговли, как это было в XVI—XVII вв. Данный тезис подтверждается историческими источниками, на которые опирается статья. Они свидетельствуют о расчётах с монгольским населением серебряными и золотыми деньгами. Архивные материалы о Цзаин-Шаби богаты разными сведениями, поэтому неоднократно попадали в сферу внимания историков-монголоведов.

Итак, это небольшое поселение упоминается почти во всех трудах по истории русской общины в Монголии. В дореволюционный период о фактории писали В.Л. Попов [11] (в материалах своей экспедиции) и священник Ф.А. Парняков [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 723]. В более современных работах о Цзаин-Шаби можно прочитать в книге Н.Е. Единарховой (2 стр.) [3, с. 199—200] и у Е.М. Даревской [2], а также в многочисленных статьях А.В. Старцева [13]. Несмотря на то, что данная фактория упоминалась достаточно часто, специальных обобщённых исследований её деятельности до сих пор нет.

Источниковую базу нашей работы можно разделить на два больших блока: неопубликованные исторические источники и опубликованные сборники документов. В первый блок входят материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО):

- 1) Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 723: Парняков Ф. «О русских в Монголии»;
- 2) Ф. 71. Оп. 2. Ед. хр. 370: «Табель служащих и рабочих по Цзаин-Шабинскому району Монголии. 1918 г.»;
- 3) Ф. 71. Оп. 2. Ед. хр. 31: «Разная переписка Цзаин-Шабинского отряда. 1917—1918 гг.»;
- 4) Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 60: «Переписка о ходе закупочных операций и о личном составе по Цзаин-Шабинскому району».

Второй блок источников составили опубликованные работы по Монголии начала XX в. В частности, материалы Московской торговой экспедиции,

очерки В.Л. Попова о развитии торговли [11]. Воспоминания Д.П. Першина [9], более подробно освещающие период вторжения Р.Ф. Унгерна в Монголию и ситуацию вокруг Цзаин-Шаби. Коротко, но содержательно описаны события 1921 г. в Цзаин-Шаби Ф.Л. Оссендовским и К. Гижицким [7; 1]. Не менее интересны материалы экспедиций И.М. Майского и Н.В. Павлова [8]: их сравнительный анализ позволяет судить о развитии поселения, статусе Цзаин-гэгэна, а также о положении русских колонистов. Материалы опубликованных источников содержат достаточно полное описание политической ситуации в фактории в период Гражданской войны и после неё.

ОСНОВАНИЕ ФАКТОРИИ

История русской фактории, основанной у стен монгольского монастыря Цзаин-Шаби, представляет собой хорошо задокументированную хронику распространения российского влияния во Внешней Монголии. Дореволюционный Цзаин-Шаби — это современный г. Цэцэрлэг, административный центр Архангайского аймака, расположенный в 880 км от Улан-Батора. Буддистский монастырь Цзаин-Шаби в начале XX в. был резиденцией Цзаин-гэгэна — буддистского хубилгана, второго по влиянию ламы в стране после Богдо-гэгэна (теократического монарха с 1911 г.). Цзаин-гэгэн считался перерождением духовного и политического лидера джугаров Зая-Пандиты, создателя «Тодо-бичиг» [8, с. 182]. Цзаин-гэгэн фактически являлся духовным лидером Архангайя и западной Монголии, а монастырь, основанный в 1586 г., распространил своё экономическое влияние далеко за пределы Архангайя. В 1904 г. в монастыре Цзаин-Шаби, после размолвки с Богдо-гэгэном VIII, жил в изгнании Далай-лама XIII [6].

Посетивший Цзаин-Шаби в 1912 г. В.Л. Попов крайне критично охарактеризовал положение дел в этой русской фактории: «Русских фирм всего четыре. Две из них — кяхтинские, и потому товары получают и отправляют на Кяхту. Две другие фирмы заграничные, ведущие дело через русских приказчиков, специально по скупке сырья, сырьё отправляют в Кяхту. Все четыре фирмы раскинули сеть своих приказчиков в кочевьях. Поэтому Заин-Шаби следует признать одним из второстепенных торговых пунктов Монголии, имеющих свой район и свои оптовые операции. Район ограничен на западе рекой — Орхоном, на востоке рекой — Чилоту, на юге хребтом — Кентей, на севере, вероятно, рекою Тамиром» [11, с. 187].

Однако уже в 1915 г. в Цзаин-Шаби действовало множество иностранных фирм, прежде всего русских и китайских. Непосредственно российских компаний было восемь: Коковина, Швецовых, Балахнина, Жукова, Суткена, Свинина, Кузнецова, отделение Монгольского национального банка [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 4]. Как свидетельствуют архивные материалы, дома русских колонистов в Цзаин-Шаби располагались в «красивой глубокой долине, защищённой с трёх сторон громадными горами» [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 4]. Общее количество русского населения составляло 70 человек. Их дома были построены на арендованной у китайцев

или монголов земле. Эти сведения подтверждаются В.Л. Поповым: согласно его данным, в монастыре проживало 1000 лам, 100 китайцев и несколько русских [11, с. 187]. Как отмечает Ф. Парняков, посетивший Цзаин-Шаби в 1914 г., местные власти активно сопротивлялись выделению земли под факторию, ссылаясь на близость священных мест: «Так указывают: с востока на священную гору, с прогонным трактом для скота Гыгена, с севера постройки монастыря, с юга — на гору со священными камнями, и с запада — на площадь для религиозных общественных торжеств. Ссылка на священные места не имеет значения и на китайцев не применяется» [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 4].

В Цзаин-Шаби русские колонисты построили общественный дом, библиотеку и организовали подобие земского управления. Был выбран старшина поселения Ф.Г. Балахнин [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 6]. Важным событием стала организация почтового отделения, долгое время функционировавшего на общественных началах. Затем русские создали общественную кассу, обложив всех русских жителей колонии ежегодным налогом в размере 50 руб. С появлением денег был открыт временный православный храм и запланировано открытие начальной школы [3, с. 199]. Спустя некоторое время в Цзаин-Шаби появился аптечный пункт и узел телеграфной связи.

Как уже упоминалось, в 1915 г. в Цзаин-Шаби действовало отделение Монгольского национального банка. Открытие во «второстепенном торговом пункте» филиала банка, финансировавшегося из России Сибирским торговым банком, заслуживает пристального внимания, с учётом того, что филиалы банка были открыты в Урге, Улясутае и Кобдо [13]. Начало работы филиала в Цзаин-Шаби связано с большим политическим влиянием монастыря, претендовавшего на статус центра Западной Монголии, несмотря на его нахождение в центральной части страны. Большой монастырь, возглавляемый второй по значению фигурой в теократической иерархии Монголии, несомненно, представлял интерес для расширения российского влияния в этом государстве.

Уставные документы банка свидетельствуют о его приоритетах:

- «1) захватить в русские руки всё ежегодно поступающее на монгольский рынок сырьё. Ввезти его на русский рынок;
- 2) придать монгольскому сырью необходимые свойства рыночного товара, способного быть объектом банковских ссуд;
- 3) всемерно содействовать увеличению продуктивности монгольского хозяйства — возможно полнее использовать все экономические возможности монгольской территории;
- 4) всяческое содействие ввозу русских товаров в пределы Монголии, покончить с таким порядком, при котором русский рубль находится в беспризорном состоянии на монгольском рынке и служит предметом всеобщей спекуляции» [9, с. 19–20].

В этих условиях русская фактория Цзаин-Шаби становилась важным центром координации усилий по развитию региона. Уступая Кобдо и Улясутаю по масштабам и оборотам торговой деятельности русских

предпринимателей, после начала Первой мировой войны небольшая фактория в Архангае превратилась в настоящий экономический центр. Этому способствовали как объёмы инвестиций, так и успехи русской дипломатии в переговорах с китайцами по вопросу о статусе Внешней Монголии.

ОТ ЭКСПЕДИЦИИ К ОКРУГУ

С началом Первой мировой войны в Монголии была учреждена военная экспедиция по закупке скота для действующей армии (Монголэкс), деятельность которой координировалась из Иркутска. Уполномоченным по Урге был назначен Б.Г. Бадмажапов [2, с. 321], а по Цзаин-Шабинскому району — служащий экспедиции М. Барановский [ГАИО. Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 7]. Помощником уполномоченного по закупке скота в Монголии стал ветеринарный врач В.Г. Гей, координирующий деятельность из Иркутска, а впоследствии организовавший вакцинацию приобретаемых сельскохозяйственных животных [7, с. 107]. На месте развернули полевой лагерь по прививанию перегоняемого в Россию скота, забой же закупленного производился в Кяхте. Весной 1916 г. начался процесс свёртывания экспедиции. Но, несмотря на распоряжение Б.Г. Бадмажапова оставить Цзаин-Шаби, М. Барановский сохранил штат и продолжил закупки. В частности, в ответе на запрос уполномоченного по Урге он указывает: «Имею честь сообщить вашему высокоблагородию, что я не имею права оставлять занятые мною районы вплоть до получения приказа нашего уполномоченного В.Г. Гея, так как от последнего я имею телеграмму оставить лишь хошуну Ван-курень и Сайн-ноин, что мною и сделано. Заведующий районом М. Барановский» [ГАИО. Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 35]. В июле 1916 г. контору уполномоченного Б.Г. Бадмажапова перенесли в Цзаин-Шаби. В одной из телеграмм на имя М. Барановского указывалось: «Контора уполномоченного Бадмажапова может находиться в Цзаин-Шаби, а производство закупок скота в Цзаин-Шаби предоставляется только вам. В.Г. Гей» [ГАИО. Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 45]. Согласно архивным документам, на средства, переводившиеся в Монгольский национальный банк, Монголэкс закупал скот, мясо, шерсть, конскую упряжь. Объёмы закупочных операций исчислялись в десятках тысяч серебряных рублей [ГАИО. Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 43—44].

В конце 1917 г. В.Г. Гей начал сотрудничество с большевиками в деле организации закупки стратегических товаров в Монголии для Красной армии. В это время Монголэкс переименовывается в Центросоюз. В 1918 г. генеральный консул в Монголии А.А. Орлов предлагал консулам в монгольских аймаках не допускать В.Г. Гея до закупочных операций. По данным Е.М. Даревской, «в начале 1918 г. Советское правительство в Москве выдало уполномоченному Западно-Монгольского района Монголэкса В.Г. Гею аванс — 40 млн рублей, до 3 тысяч пудов серебра, значительное количество мануфактуры и обещало в мае и сентябре 1918 г. выдать дважды ещё по 40 млн рублей на закупку скота в Монголии» [2, с. 321—322]. Однако к концу 1918 г. В.Г. Гей оказался в статусе беженца и вместе с семьёй проживал в Монголии.

Именно с Цзаин-Шаби будет выстраивать отношения Военное министерство Временного Сибирского правительства П. Вологодского (а после и А.В. Колчака) [ГАИО. Ф. 71. Оп. 2. Ед. хр. 31], а не с Ургинской колонией, в которой были сильны революционные настроения [ГАИО. Ф. 71. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 92]². Кроме того, большая часть Западной Монголии не поддерживала революционных деятелей, о чём сохранились свидетельства Д.П. Першина [9]. Начиная с 1918 г. в Цзаин-Шаби действовала Западно-монгольская экспедиция Временного Сибирского правительства по закупке скота и фуража для военных нужд (в которой служил В.Г. Гей, заведовавший Мурынским районом). В отчётных документах экспедиции фигурируют цифры закупок и маршруты перегонки скота в Россию. С 1918 г. в должности заведующего Цзаин-Шабинским отрядом фигурирует бывший подчинённый В.Г. Гея М.С. Грейсер [ГАИО. Ф. 71. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 85, 88]. Действуя в условиях Гражданской войны в России, экспедиция старалась организовать закупки скота для армии Сибирского правительства, минуя особо опасные направления. Троицкосавск и Желтура считались безопасными [ГАИО. Ф. 71. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 67]. Складские помещения и платёжные учреждения этих населённых пунктов обеспечивали работу Западно-монгольской экспедиции. Закупленный скот в дальнейшем доставлялся в Иркутск, откуда поступал в действующую армию адмирала А.В. Колчака [ГАИО. Ф. 71. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 2].

В итоге в Цзаин-Шаби были сконцентрированы достаточно большие средства, предназначавшиеся для обеспечения армии. К моменту разгрома основных сил белых в Западной Монголии и в Цзаин-Шаби сформировались благоприятные условия для дислокации отступавших частей. Наличие фуража, амуниции и относительная безопасность делали эту территорию приемлемой для беженцев из России. Отсутствие серьёзных соединений китайской армии в этой части Монголии также улучшало обстановку для беспрепятственной миграции. Войска «гаминов», захватившие Ургу, не имели сил для установления полного контроля над всей территорией страны, в большинстве населённых пунктов находились лишь слабые гарнизоны. Вместе с отступавшими белыми в Цзаин-Шаби поступило много оружия, которым вооружил свой отряд даже Цзаин-гэгэн [8, с. 182].

Небольшой китайский гарнизон, находившийся в Цзаин-Шаби, поддерживался китайскими поселенцами, жившими у стен монастыря. Нужно отметить, что и эта часть населения активно милитаризировалась. Накопившиеся за 20 лет противоречия между русскими и китайцами всё более обострялись. Ситуацию усугубляли находившиеся в фактории значительные запасы платёжных средств, оставшиеся у скотопромышленников и в банке благодаря активным переводам Монголэкса (Центросоюза). На протяжении всего 1920 г. шёл процесс поляризации сил, ввозилось оружие, велись военные приготовления.

² Д.П. Першин охарактеризовал революционных колонистов как «большевикствующих». См. подробнее: [9, с. 59–62].

ЦЗАИН-ШАБИ ВО ВРЕМЯ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 г.

За годы Гражданской войны в России состав русского населения в Цзаин-Шаби существенно расширился. В основном за счёт многочисленных беженцев. К началу 1921 г. в этом населённом пункте не только был добровольческий русский отряд из местных жителей, но и был назначен комендант для охраны русской части фактории и её имущества. Проезжавший через Цзаин-Шаби К. Гижицкий писал: «В весенние месяцы 1921 г. Дзаин-Шаби пережило тяжёлые времена, и только благодаря героической обороне российских колонистов и беглецов из „российского рая“, всё российское и монгольское население не было полностью вырезано китайскими гаминами, подстрекаемыми большевиками в Хатхыле» [1, с. 29].

С приходом частей Н.Н. Казагранди ситуация в районе Цзаин-Шаби начала дестабилизироваться в первую очередь из-за реквизиций и поисков капиталов, принадлежавших местному отделению банка и Центросоюзу. На эти ресурсы претендовали как китайские войска, так и Р.Ф. Унгерн с Н.Н. Казагранди. Источники свидетельствуют: «В феврале Казагранди получил известие о том, что вооружённые китайцы осадили русских в Дзаин-Шаби. Он прибыл туда с отрядом для постоя и защиты лишь на десятый день, когда осада уже была снята. Здесь он мобилизовал 50 человек и вернулся в Ван-хурэ» [5, с. 306—307].

Эти же события Ф.Л. Оссендовский описывает более подробно: «Несколькими часами спустя поступило сообщение, что в большом монастыре Дзаин китайские солдаты убили русского капитана Барского, после чего войска Казагранди перешли в наступление и прогнали оттуда китайцев. При взятии Ван-Куре русские арестовали корейского коммуниста, ехавшего из Москвы с золотом и пропагандистской литературой для работы в Корее и Америке. Полковник Казагранди переправил корейца вместе с его золотом барону Унгерну» [7, с. 31].

Отряд Цзаин-гэгэна также присоединился к армии Р.Ф. Унгерна и принял участие в погроме фактории в Цзаин-Шаби. Об этом оставил воспоминания Н.В. Павлов, находившийся в составе экспедиции П.К. Козлова по стране в 1923—1924 и 1926 гг.: «В 1919—1921 гг. во время набега в Монголию барона Унгерна, двадцатилетний гэгэн, пользовавшийся дотолё полной свободой, получил от Унгерна за оказанные услуги чин есаула, и несколько времени щеголял казачьими погонами. Рассказывают, что тогда же в расправах с русским торговым населением гэгэн принимал горячее, едва ли не личное участие, и ему доставалась львиная доля добычи» [8, с. 182]. В ходе реквизиций и репрессий, проводившихся по личному распоряжению барона Р.Ф. Унгерна, был расстрелян вместе с семьёй В.Г. Гей. Его имущество и денежные накопления реквизировали. Позже по приказу барона был убит и Н.Н. Казагранди. Как отмечает Ф.Л. Оссендовский, в районе Цзаин-Шаби также расстреляли несколько русских эмигрантов из Улясутая, заподозренных в сочувствии большевикам [см.: 7].

Отступая, войска Р.Ф. Унгерна разграбили Цзаин-Шаби, что во многом послужило началом упадка фактории. Так, Н.В. Павлов характеризует послереволюционное положение русской колонии в этой местности следующим образом: «Русская часть отделена руслом ручейка и узкой полоской степи, сплошь изрытой порами „дзурум“ — сусликов. Русский город состоит из полутора-двух десятков деревянных одноэтажных домов незатейливой архитектуры с просторными дворами, обнесёнными бревенчатыми заборами. Русские постройки перемешаны с оградами монгольских дворов, внутри которых виднеются юрты» [8, с. 176].

Нужно отметить, что после убийства Н.Н. Казагранди Цзаин-гэгэн в конце июня 1921 г. отвёл свой отряд к юго-западу от Цзаин-Шаби, а позже разоружился. В 1924 г. он даже принял участие в революционном молодёжном празднике в Монголии [5, с. 309]. К моменту появления в этом регионе экспедиций П.К. Козлова и Н.В. Павлова гэгэн находился под домашним арестом. Спустя некоторое время его репрессировали. На наш взгляд, фигура этого духовного лидера сыграла большую роль в событиях вокруг русской фактории, поскольку он пользовался достаточно широкими суверенными правами, о чём сохранилось немалое количество свидетельств [см.: 1; 7; 11].

В ходе революционных преобразований Монгольский национальный банк трансформировался в Монголбанк в 1924 г. По данным на 1926 г., на его отделение в Цзаин-Шаби приходилось 8,3% всего баланса [12, с. 604]. Немногочисленные остатки русских поселенцев упоминаются в материалах различных советских экспедиций. Однако в процессе революционных преобразований остатки фактории исчезнут, и к моменту принятия Конституции 1940 г. наследие колониального прошлого во многом будет изжито и преодолено. Ко времени массового прибытия в Монгольскую Народную Республику советских военных и гражданских специалистов, что произошло в середине 1960-х гг., Цзаин-Шаби в большей степени представлял собой «место памяти», слабо напоминавшее о русском присутствии.

* * *

Основанная русскими колонистами фактория в Цзаин-Шаби представляла собой небольшое поселение, оказавшееся вовлечённым в масштабные исторические события начала XX в. Оно было основано как важный стратегический узел, связывавший Архангай, находившийся под властью Цзаин-гэгэна, с российской Сибирью. Наличие отделения банка, почты, телеграфа, а также отдалённость от столицы сделали Цзаин-Шаби центром масштабных военных и экономических операций.

Пример Цзаин-Шаби — это не только образец самоорганизации сообщества в инокультурной среде, но и важный опыт партнёрских отношений в условиях политической нестабильности. Изначально фактория официально насчитывала 70 чел., но, начиная с 1916 г., активно привлекала предпринимателей и наёмных рабочих из России для закупки скота. Архивные

материалы содержат данные о беженцах из России, укрывавшихся в Цзаин-Шаби, их количество насчитывало несколько десятков человек. Многие из них впоследствии осели в Монголии и пополнили ряды жителей русской фактории. Именно они попадут во внимание советской географической экспедиции 1926 г.

Однако архивные материалы и данные опубликованных источников в наименьшей степени освещают деятельность отделения Монгольского национального банка. Фактически остаются не изученными причины, побудившие открыть отделение в бесперспективном с коммерческой точки зрения населённом пункте. Тем более что подобная оценка была опубликована В.Л. Поповым в материалах Московской торговой экспедиции 1912 г. Также непрозрачными остаются банковские операции, осуществлявшиеся строго серебряной и золотой валютой.

Согласно изученным нами документам по Цзаин-Шаби, все закупки оплачивались серебром, а реквизиции не допускались. Практику реквизиций ввёл лишь барон Р.Ф. Унгерн в 1921 г. Впоследствии такой опыт масштабных закупок в Монголии шерсти, мяса, конской сбруи и живого скота будет востребован советским правительством в годы Второй мировой войны. В определённом смысле изучаемые нами события были первыми попытками опереться на Монголию как на стратегический плацдарм, способный обеспечить воюющую сторону необходимыми ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гижицкий К. Через Урянхай и Монголию (Воспоминания из 1920—1921 гг.). Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 47 с.
2. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. 400 с.
3. Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861—1921 гг.). Иркутск: Оттиск, 2003. 252 с.
4. Козлов П.К. Дневники монголо-тибетской экспедиции. 1923—1926. СПб.: Наука, 2003. 1037 с.
5. Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.
6. Ломакина И.И. Великий беглец. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2005. 288 с.
7. Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги. М.: РИЦ «Пилигрим», 1994. 327 с.
8. Павлов Н.В. По Монголии. Очерк экспедиции 1923—1924 и 1926 гг. Хабаровск: Книжное дело, 1930. 340 с.
9. Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара: Агни, 1999. 280 с.
10. Плеханова А.М., Ширапов А.А. Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900—1910 гг.): недлинная история // Вопросы истории. 2020. № 10-2. С. 115—125.
11. Попов В.Л. Торговые центры Монголии и их влияние // Московская торговая экспедиция в Монголию 1912 года. Сборник. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1912. С. 186—189.
12. Саломатина С.А. Российские и советские банки в странах Среднего и Дальнего Востока, 1890—1920-е гг.: трансформация имперских традиций //

- Экономическая история: Ежегодник Института российской истории РАН. 2013. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 568—624.
13. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. 305 с.
14. ГАИО (Гос. арх. Иркутской области).

REFERENCES

1. Gizhitskiy K. *Cherez Uryankhay i Mongoliyu (Vospominaniya iz 1920—1921 gg.)* [Through Uryankhai and Mongolia (Memoirs from 1920—1921)]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2018, 47 p. (In Russ.)
2. Darevskaya E.M. *Sibir' i Mongoliya: ocherki rusско-mongol'skikh svyazey v kontse XIX — nachale XX vekov* [Siberia and Mongolia: Essays on Russian-Mongolian Relations in the Late 19th — Early 20th Centuries]. Irkutsk, Izd-vo IGU Publ., 1994, 400 p. (In Russ.)
3. Edinarkhova N.E. *Russkie v Mongolii: osnovnye etapy i formy ekonomicheskoy deyatel'nosti (1861—1921 gg.)* [Russians in Mongolia: the Main Stages and Forms of Economic Activity (1861—1921)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, 252 p. (In Russ.)
4. Kozlov P.K. *Dnevniki mongolo-tibetskoй ekspeditsii. 1923—1926* [Diaries of the Mongol-Tibetan Expedition. 1923—1926]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003, 1037 p. (In Russ.)
5. Kuz'min S.L. *Istoriya barona Ungerna: opyt rekonstruktsii* [The Story of Baron Ungern: the Experience of Reconstruction]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2011, 659 p. (In Russ.)
6. Lomakina I.I. *Velikiy beglets* [Great Fugitive]. Moscow, Dizayn. Informatsiya. Kartografiya Publ., 2005, 288 p. (In Russ.)
7. Ossendovskiy F. *I zveri, i lyudi, i bogi* [And Animals, And People, And Gods]. Moscow, RITs "Pilgrim" Publ., 1994, 327 p. (In Russ.)
8. Pavlov N.V. *Po Mongolii. Ocherk ekspeditsii 1923—1924 i 1926 gg.* [Throughout Mongolia. Sketch of the Expedition 1923—1924 and 1926 y.]. Khabarovsk, Knizhnoe delo Publ., 1930, 340 p. (In Russ.)
9. Pershin D.P. *Baron Ungern, Urga i Altan-Bulak* [Baron Ungern, Urga and Altan-Bulak]. Samara, Agni Publ., 1999, 280 p. (In Russ.)
10. Plekhanova A.M., Shirapov A.A. *Urginskoe otdelenie Russko-Kitayskogo banka (1900—1910 gg.): nedlinnaya istoriya* [Urginsky Branch of the Russian-Chinese Bank (1900—1910): a Short History]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 10-2, pp. 115—125. (In Russ.)
11. Popov V.L. *Torgovye tsentry Mongolii i ikh vliyanie* [Trade Centers of Mongolia and Their Influence]. *Moskovskaya torgovaya ekspeditsiya v Mongoliyu 1912 goda. Sbornik* [Moscow Trade Expedition to Mongolia in 1912. Collection]. Moscow, Tipografiya P.P. Ryabushinskogo Publ., 1912, pp. 186—189. (In Russ.)
12. Salomatina S.A. *Rossiyskie i sovetskie banki v stranakh Srednego i Dal'nego Vostoka, 1890—1920-e gg.: transformatsiya imperskikh traditsiy* [Russian and Soviet Banks in the Middle and Far East, 1890s — 1920s: Transformation of Imperial Traditions]. *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik Instituta rossiyskoy istorii RAN. 2013* [Economic History: Yearbook of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2013]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, pp. 568—624. (In Russ.)
13. Startsev A.V. *Russkaya torgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Russian Trade in Mongolia (Second half of the 19th — early 20th Centuries)]. Barnaul, Izd-vo AGU Publ., 2003, 305 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 19.08.2021